

О ДОПРОСЕ АДВОКАТА БЕЗ СОГЛАСИЯ ДОВЕРИТЕЛЯ

Установленный уголовно-процессуальным законодательством запрет на допрос адвоката в качестве свидетеля прошел путь от абсолютного отрицания в науке возможности такого допроса¹ до официального признания высшими судебными органами нашей страны его допустимости в случае наличия на то волеизъявления доверителя адвоката². Вместе с тем в настоящее время появляются как научные разработки, так и правоприменительные прецеденты, которые указывают на попытки расширить возможность допроса адвоката в качестве свидетеля, не ограничиваясь упомянутым условием, т.е. без учета воли и интересов его доверителя³.

Следует заметить, что свидетельский иммунитет адвоката, закрепленный в п. 2, 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, распространяется исключительно на обстоятельства, ставшие ему известными в связи с обращением за юридической помощью или ее оказанием.

Прежде всего, именно данное условие вызывает неоднозначные трактовки, используется правоохранительными органами, а зачастую и самими адвокатами как лазейка, позволяющая допрашивать или давать показания в качестве свидетеля, преследуя свои процессуальные или личные интересы, зачастую в противовес интересам доверителя.

В литературе давно высказана позиция, согласно которой допрос адвоката в качестве свидетеля возможен «... в тех исключительных случаях, когда об обстоятельствах дела ему стало известно не в связи с осуществлением защиты...»⁴. И хотя было оговорено дополнительное условие о том, что такой допрос допустим в случае, если эти сведения касаются «существенных и важных фактов, которые без его допроса в качестве свидетеля не могут быть выявлены»⁵, оно не может не оставлять в силу своей абстрактности возможности для произвола. Действительно, достаточно часто в обоснование право-

---

* © Таран А.С., 2008

Таран Антонина Сергеевна — канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет

мерности такого допроса следственные органы ссылаются именно на то, что истребуемые от адвоката сведения были получены им вне рамок оказания юридической помощи, причем чаще всего — без достаточных на то оснований.

Так, адвокат С.А. Соколов, осуществлявший защиту обвиняемого А.Л. Гольдмана, был допрошен по уголовному делу в качестве свидетеля. Возражая против удовлетворения жалобы адвоката на неправомерные действия следователя, прокурор указал, что адвокат был допрошен не об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с осуществлением защиты А.Л. Гольдмана, а о событиях, произошедших до его задержания и допуска С.А. Соколова к участию в деле в качестве защитника.

Между тем адвокат С.А. Соколов до указанных процессуальных моментов оказывал А.Л. Гольдману юридическую помощь, причем по этому же делу, в частности, присутствовал на проводимой с ним, как со свидетелем, очной ставке.

Судья Басманного суда г. Москвы правомерно сделал вывод о незаконности такого допроса адвоката и о необоснованности доводов стороны обвинения, указав, что «по смыслу закона адвокат не может быть допрошен в качестве свидетеля по обстоятельствам, ставшим ему известными в связи с осуществлением профессиональной деятельности, независимо от времени получения информации по данным обстоятельствам»⁶.

Это дело свидетельствует о том, что, несмотря на позицию Конституционного Суда РФ по этому вопросу⁷ и последовавшие изменения уголовно-процессуального законодательства⁸, правоприменитель продолжает привязывать возникновение свидетельского иммунитета к вступлению адвоката в дело в качестве защитника, соответственно, допуская его допрос об обстоятельствах, полученных до этого момента, пусть и в связи с оказанием юридической помощи, что неправомерно.

Помимо этого, практика поставила ряд новых спорных вопросов, потребовавших разрешения, прежде всего следующий: распространяется ли требование п. 2, 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ на случаи, в которых адвокат стал обладателем определенной информации при обстоятельствах, когда он действовал формально вне рамок адвокатской деятельности, т.е. оказывал юридическую помощь без письменного

соглашения и ордера, а представлял чьи-либо интересы как частное лицо на основе нотариально заверенной доверенности?

Этот вопрос стал предметом рассмотрения Адвокатской палаты г. Москвы в связи с дисциплинарным производством, возбужденным в отношении адвоката С., выдавшего органам предварительного следствия имевшийся у него документ, полученный в процессе оказания на основании доверенности юридической помощи С-кому, использованный в последующем как доказательство обвинения по возбужденному против последнего уголовному делу, а кроме того, дал показания в качестве свидетеля против С-кого и даже участвовал в очной ставке, проводимой со С-ким, в ходе которой подробно рассказал следствию об обстоятельствах гражданского дела, которое он вел в интересах С-кого, в частности о факте обращения к нему С-кого с просьбой оказать юридическую помощь, о документах, составленных им в связи с этим обращением, о консультациях и разъяснениях, данных им, об обстоятельствах подготовки и ведения гражданского дела в районном суде г. Москвы.

Квалификационная комиссия и совет Адвокатской палаты г. Москвы, рассмотрев данное дисциплинарное производство, сделали вывод о том, что независимо от формальных оснований вступления адвоката в дело он, тем не менее, остается членом адвокатского сообщества, к которому обратились за оказанием квалифицированной юридической помощи, в связи с чем на него распространяются все правила, предусмотренные Кодексом профессиональной этики адвоката, в частности обязанность хранить адвокатскую тайну⁹.

Думается, что из анализа этого прецедента можно сделать следующий вывод: адвокат не может быть допрошен об обстоятельствах обращения к нему за юридической помощью или ее оказания, даже если официально по каким-либо причинам (недобросовестности адвоката, недостаточности для этого времени, места и времени обращения за помощью и т.д.) соглашение на оказание юридической помощи надлежащим образом оформлено не было.

О том, что в практике нет правильного понимания того, что относится или не относится к сведениям, полученным адвокатом в процессе оказания юридической помощи, свидетельствует и дело адвоката О.

Адвокат О. был вызван на допрос, в ходе которого следователь с целью установления местонахождения свидетеля М., являвшегося доверителем адвоката, задал следующие вопросы: знаком ли адвокат с М., при каких обстоятельствах и когда с ним встречался? Судебное обжалование адвокатом действий следователя положительных результатов не дало¹⁰.

Интересен комментарий этой ситуации практиком — начальником отдела по расследованию преступлений против интересов службы и порядка управления Следственного комитета при МВД России Г.В. Карловым. Указывая на дискуссионность данного вопроса и противоречивость его регламентации законодательством, он высказывается за допустимость такого допроса: «... Выяснение у адвоката местонахождения важного свидетеля, подозреваемого или обвиняемого при определенных обстоятельствах (например, расследовании особо тяжкого преступления) допустимо и оправданно»¹¹. Сделан вывод о том, что указанная информация лежит вне адвокатской тайны и что в случае отказа от дачи показаний по этим вопросам адвокат должен нести уголовную ответственности за укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ)¹².

Позволим себе не согласиться с этими утверждениями. Начнем с последнего довода. Укрывательство преступлений по смыслу уголовного закона должно выражаться в активных действиях, а именно в сокрытии, под коим подразумевается укрытие, т.е. физические действия, направленные на создание физической недоступности самого преступника, орудий и средств совершения преступлений, предметов, добытых преступным путем, и т.д.¹³ Если под укрывательством понимать отказ от дачи показаний о месте нахождения обвиняемого (подозреваемого), то тогда размывается грань между преступлениями, предусмотренными ст. 316 УК РФ (укрывательство преступлений), и ст. 308 УК РФ (отказ от дачи показаний). Но за отказ от дачи показаний адвокат ответственности не несет в силу специальной нормы, устанавливающей его право не давать показания об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с оказанием юридической помощи (п. 2, 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ).

Мы не можем согласиться ни с выводом, что «действующее законодательство не позволяет дать однозначный ответ на вопрос» о том, относятся ли к адвокатской тайне сведения о местонахождении до-

верителя, ни с тем, что вопросы, направленные на выяснение того, встречался ли адвокат со своим доверителем, «объективно не затрагивают конфиденциальных сведений»¹⁴.

Мы не считаем необходимым обсуждать вопрос о том, относится ли факт встречи адвоката с доверителем к категории «конфиденциальных», хотя для нас ответ очевиден. Конфиденциальность не является критерием отнесения тех или иных сведений к адвокатской тайне (ст. 8 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»). Кроме того, сам автор, анализируя положения ч. 1 ст. 8 упомянутого закона, верно указывает, что, следуя этому нормативному акту, к адвокатской тайне необходимо отнести и данные о местонахождении обратившегося за юридической помощью клиента¹⁵.

Автор не прав, говоря о том, что к разрешению анализируемой им ситуации применим такой подход: «Следователь вправе допросить адвоката (защитника) по вопросам, выходящим за пределы, обозначенные в ч. 3 ст. 56 УПК РФ (выделено мной. — А.Т.), а адвокат может (выделено мной. — А.Т.) отказаться давать показания»¹⁶. Дело в том, что если допрос действительно будет выходить за рамки упомянутых ч. 3 ст. 56 УПК РФ обстоятельств, адвокат, при отсутствии установленного в законе условия своего иммунитета, будет обязан (выделено мной. — А.Т.) давать показания. Если же вопросы следователя находятся в пределах обстоятельств, полученных в процессе обращения к нему за юридической помощью или ее оказания, то адвокат будет обязан (выделено мной. — А.Т.) отказаться от дачи этих показаний¹⁷.

Нельзя признать вызов адвоката следователем для допроса об обстоятельствах, даже не составляющих адвокатскую тайну, делом безобидным, как представлено в анализируемой работе. Как известно, процессуальный статус свидетеля является приоритетным, т.е. исключающим его участие в деле в качестве иного субъекта процесса, в связи с чем не беспочвенно предупреждение о том, что возможность допроса адвоката о сведениях, ставших ему известными вне профессиональной деятельности, может стать предлогом для устранения из дела нежелательного адвоката¹⁸, что, кстати, и произошло в упомянутой нами ситуации с адвокатом С.А. Соколовым, чей отказ от дачи показаний был удостоверен следователем двумя понятыми

с последовавшим отстранением адвоката от участия в деле на основании п. 1 ч. 1 ст. 72 УПК РФ¹⁹.

Очевидной тенденцией судебной практики является допрос адвокатов об обстоятельствах проведения тех следственных действий, результаты которых оспаривают их доверители.

Так, по делу Быкова и других адвокат, присутствовавший на предварительном следствии при допросе подсудимого Быкова, был допрошен судом об обстоятельствах этого допроса, в ходе которого опроверг доводы стороны защиты о применении к своему доверителю незаконных методов ведения следствия, в результате чего показания последнего были признаны судом допустимым доказательством, протокол допроса оглашен в судебном разбирательстве и использован в обвинительном приговоре. Верховный Суд РФ в определении от 1 марта 2004 г. не усмотрел в действиях суда нарушений закона²⁰.

По другому делу адвокат К. была допрошена судьей Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области по ходатайству государственного обвинителя в связи с заявлением подсудимого о том, что адвокат К. при ее допросе на предварительном следствии не присутствовала, о чем свидетельствовало отсутствие ее подписи в протоколе указанного следственного действия. Адвокат К. дала показания, в которых опровергла утверждения своего бывшего доверителя. Заявление стороны защиты о том, что адвокат К., согласно ст. 56 УПК РФ, была не вправе давать показания, суд отверг, указав в приговоре от 17.11.2006 г., что адвокат К. «не давала показаний об обстоятельствах, ставших ей известными в связи с оказанием юридической помощи...».

Практически аналогична ситуация допроса по инициативе суда адвоката Д., осуществлявшего защиту Р. на предварительном следствии. Поводом для этого послужило заявление Р. об отказе от показаний, данных на предварительном следствии, в том числе в связи с тем, что адвокат Д. на допросе не присутствовал, а, придя в самом конце допроса, подписал его, не читая, что и послужило основанием для отказа от его услуг в дальнейшем.

Несмотря на протесты шести адвокатов, осуществлявших по этому делу защиту ссылавшихся в обоснование своих требований на п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, адвокат Д. дал в суде показания, положенные в последующем в основу обвинительного приговора, в которых

не только опроверг заявление своего бывшего доверителя, но и предал огласке сведения, сообщенные Р., без его согласия²¹.

Мы не случайно указали на сходство казусов с участием адвокатов К. и Д. Дело в том, что поступок и того и другого был предметом рассмотрения исполнительных органов адвокатских сообществ — Палаты адвокатов Самарской области и Адвокатской палаты г. Москвы соответственно. Интересен тот факт, что адвокат К. был признан нарушившим требования профессиональной этики и подвергнут дисциплинарной ответственности, а адвокат Д. — нет.

Прежде всего, на наш взгляд, при анализе действий обоих адвокатов следует решить вопрос: относится ли разглашенная ими информация к адвокатской тайне?

Безусловно, да, ибо адвокатскую тайну, гарантией которой и выступают положения п. 2, 3 ст. 56 УПК РФ, составляют не только сведения, имеющие сугубо конфиденциальный характер, например известные только адвокату и его доверителю, но и «любые сведения, связанные с оказанием юридической помощи» (ч. 2 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката), вне зависимости от круга лиц, которым они известны, и того, в какой обстановке (в частных беседах или в ходе производства следственных действий) они получены. Таким образом, законодатель не связывает требование о необходимости сохранения адвокатом в тайне сведений, полученных в процессе оказания юридической помощи, со степенью публичности той или иной информации.

О справедливости этой позиции свидетельствует и то, что в решении совета Адвокатской палаты г. Москвы тот факт, что разглашенные адвокатом Д. сведения относятся к адвокатской тайне, даже не оспаривался.

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы и Совет сделали вывод об отсутствии в действиях адвоката Д. нарушений норм профессиональной этики, ссылаясь на п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, а именно на положение, в соответствии с которым «без согласия доверителя адвокат вправе использовать сообщенные ему доверителем сведения в объеме, который адвокат считает разумно необходимым для обоснования своей позиции при рассмотрении гражданского спора между ним и дове-

рителем или для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу».

Совет сделал вывод о применимости данной нормы к рассматриваемому случаю, указав, что адвокат Д. давал показания в ситуации, когда бывший доверитель Р. «фактически обвинил адвоката в нарушении норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, Кодекса профессиональной этики адвоката, надлежащем исполнении своих обязанностей перед доверителем, а возможно (выделено мной. — А.Т.) и в соучастии в форме пособничества в преступлениях, якобы совершенных должностными лицами, осуществлявшими производство по уголовному делу и его оперативное сопровождение. <...> Дав показания об обстоятельствах его вызова и участия в допросе подозреваемого Р. <...> адвокат Д. фактически защищал свои права и охраняемые законом интересы (от обвинения в совершении дисциплинарного проступка или уголовно наказуемого деяния), что по смыслу п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката является допустимым»²².

Позволим себе прокомментировать это решение, которое, на наш взгляд, далеко не безупречно.

Нетрудно заметить, что Совет дал расширительное толкование п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката. Данная норма предусматривает возможность разглашения сведений, составляющих адвокатскую тайну, только в случаях, когда против адвоката «возбуждено уголовное дело и дисциплинарное производство». Очевидно, что «фактическое обвинение» и «возбуждение уголовного дела или дисциплинарного производства» — не одно и то же. Оправданно ли такое толкование в данной ситуации?

Как известно, «необычное и двусмысленное толкование не одобряется правом»²³. Если использованное Кодексом профессиональной этики адвоката основание дачи адвокатом показаний о сведениях, составляющих адвокатскую тайну, — «возбуждение уголовного дела или дисциплинарного производства» имеет четкие правовые критерии, то у «фактического обвинения», как основания, допускающего такой допрос адвоката, они весьма и весьма размыты, ибо оно не указывает ни на форму такого обвинения, ни на момент, с которого у адвоката возникает данное право, и т. д.

Применим еще одно известное латинское юридическое изречение: «правомочие должно толковаться ограничительно»²⁴. Право адвоката давать показания о сведениях, составляющих адвокатскую тайну, вопреки воле доверителя, осуществляя самозащиту от обвинения, как исключение из общего правила, не может быть истолковано правоприменителем расширительно. Установление привилегий — прерогатива самого законодателя.

Вспомним третью юридическую аксиому: «толкование закона не порождает нарушения права»²⁵. Между тем адвокатская тайна — «безусловный приоритет в деятельности адвоката» (ч. 2 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката). Если на чаше весов оказываются интересы адвоката, с одной стороны, и интересы его доверителя — с другой, то предпочтение при всех предусмотренных законом исключениях должно отдаваться именно последним. В противном случае подрывается основа адвокатуры, поскольку общепризнанный мировым сообществом принцип ее организации и деятельности — адвокатская тайна.

Это тем более актуально, что, выступая в качестве свидетеля в указанных случаях, адвокат превращается в обвинителя в том же процессе, в котором он осуществлял защиту, возможность чего должна быть максимально ограничена.

Анализируемая позиция исполнительных органов адвокатского сообщества направлена на то, чтобы буквально отбить у подсудимых намерение реализовать свое законное право — заявлять в суде о фактах ненадлежащего оказания им юридической помощи (соответственно о нарушении их права на защиту), в том числе оспаривать правомерность произведенных в отношении них процессуальных действий, ссылаясь на нарушения закона со стороны адвоката.

На наш взгляд, совершенно неправильно было бы полагать, что, отказывая адвокатам в праве давать показания в суде в ответ на заявления подсудимого, в которых косвенным образом констатируется недобросовестность с их стороны, мы лишаем их возможности защищать свои интересы и ставим тем самым под угрозу привлечения к юридической ответственности. Нельзя признать, что такие заявления сами по себе требуют какого-либо реагирования со стороны адвоката и что судебное разбирательство в отношении его доверителя — надлежащее место для этого. Только в случае, если в отношении адво-

ката будет возбуждено дисциплинарное производство или уголовное дело, возникнет действительная необходимость и право адвоката, защищаясь, давать показания об указанных обстоятельствах, что и предусмотрено ч. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Примечания

¹ См.: Агаев, Ф.А. Иммунитеты в российском уголовном процессе / Ф.А. Агаев, В.Н. Галузо. — М.: Теис, 1998. — С. 96.

² См.: Дело Винькова и Аббатов // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2001. — №9. — С. 11; Определение Конституционного Суда РФ от 6.03.2003 г. №108-О по жалобе гр-на Г.В. Цицкишвили на нарушение его конституционных прав п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ.

³ О том, что в последнее время участились случаи, когда органы предварительного расследования пытаются допросить адвокатов в качестве свидетелей по уголовным делам, уже отмечалось в научной литературе. См.: Быков, А.М. Призываю адвокатов / А.М. Быков // Федеральное законодательство об адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: материалы Международной конференции. Екатеринбург, 13 июля 2004 г. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004. — С. 58; Воронов, А.А. Некоторые проблемы реализации российской адвокатурой функции по оказанию квалифицированной юридической помощи / А.А. Воронов // Адвокатура. Государство. Общество: сб. материалов III Всероссийской научно-практической конф. / отв. ред. С.И. Володина, Ю.С. Пилипенко. — М.: Новый учебник, 2006. — С. 30; Трунов, И.Л. Привилегии и иммунитеты в отношении адвоката / И.Л. Трунов, Л.К. Айвар // Уголовный процесс. — 2005. — №1. — С. 48-49.

⁴ См.: Горский, Г.Ф. Судебная этика. Некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса / Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, Д.П. Котов. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1973. — С. 167.

⁵ См.: Там же.

⁶ Постановление Басманного районного суда г. Москвы от 1.03.2006 г. по делу адвоката С.А. Соколова // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. — 2007. — Вып. 2-3 (40-41). — С. 94-99.

⁷ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2000 г. №128-0 по жалобе гр-на В.В. Паршуткина на нарушение его конституционных прав и свобод п. 1 ч. 2 ст. 72 УПК РСФСР и ст. 1 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР.

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс РФ учел правовую позицию Конституционного Суда РФ и распространяет запрет на вызов и допрос адвоката-защитника в качестве свидетеля не только «на обстоятельства дела, которые стали ему известны в связи с выполнением обязанностей защитника» (п. 1 ч. 2 ст. 72 УПК РСФСР), но и на все обстоятельства, «ставшие известными адвока-

ту в связи с обращением к нему за юридической помощью или ее оказанием» (п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ).

⁹ Обзор дисциплинарной практики // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. — 2007. — Вып. 2-3 (40-41). — С. 15-21.

¹⁰ См.: Карлов, Г.В. Права адвоката на стадии предварительного расследования / Г.В. Карлов // Уголовный процесс. — 2007. — №1. — С. 25-27.

¹¹ Там же. — С. 26.

¹² Там же. — С. 25-28.

¹³ См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. — М.: Юрист, 2001. — С. 536-537; Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная: учебник / под общ. ред. проф. Л.Д. Гаухмана, проф. Л.М. Колодкина и проф. С.В. Максимова. — М.: Юриспруденция, 1999. — С. 717-718.

¹⁴ См.: Карлов, Г.В. Указ. соч. — 26.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Установленный в законе свидетельский иммунитет адвоката, действительно, иногда трактуют как положение, согласно которому адвокат «вправе отказаться от дачи свидетельских показаний». См.: Золотых, В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе / В.В. Золотых. — М.: АСТ; Р-н/Д: Феникс, 1999. — С. 141.

Однако если мы признаем, что свидетельский иммунитет адвоката — процессуальный институт, который используется адвокатом по своему усмотрению, то мы должны также допустить и то, что адвокат может быть допрошен исключительно при его на то согласии или по его инициативе. Представляется, что такая трактовка свидетельского иммунитета адвоката не точна. Следует признать, что в уголовном судопроизводстве адвокат не столько вправе, сколько обязан отказаться от дачи показаний по вопросам, касающимся оказания им юридической помощи, так же, как и должностные лица, осуществляющие производство следствия и дознания, и суд не вправе по своей инициативе допрашивать адвоката об этих обстоятельствах.

¹⁸ См.: Лазарева, В.А. Вправе ли адвокат давать свидетельские показания по уголовному делу? / В.А. Лазарева // Вестник Палаты адвокатов Самарской области. — 2004. — Бюл. №1. — С. 95.

¹⁹ Постановление Басманного районного суда г. Москвы от 1.03.2006 г. по делу адвоката С.А. Соколова. — С. 94-95.

²⁰ Определение Верховного Суда РФ от 1.03.2004 г. по делу Молодидова, Павлова, Быкова и др. // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2005. — №1. — С. 16-17.

²¹ Обзор дисциплинарной практики совета Адвокатской палаты г. Москвы // Адвокат. — 2007. — №8.

²² Там же.

²³ Ваян, А.Б. Афоризмы, изречения, пословицы, притчи о юриспруденции. От античности до наших дней / А.Б. Ваян. — М., 2002. — С. 240.

²⁴ Там же. — С. 242.

²⁵ Там же. — С. 240.

А.Ю. Шапошников, И.А. Шапошникова *

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Проводившаяся в последние годы судебная реформа направлена на совершенствование судебной системы, реализацию конституционных принципов и гарантированное обеспечение прав и свобод всех участников уголовного процесса. Прделана значительная работа: полностью изменен уголовно-процессуальный закон, закреплена независимость суда, введен суд присяжных, органы предварительного следствия отделены от государственного обвинения. Действующий УПК РФ существенно расширил права обвиняемого (подозреваемого) и полномочия его защитника, предоставив последнему право собирать доказательства.

Однако новый уголовно-процессуальный закон и широкая пропаганда судебной реформы в средствах массовой информации, вызвавшая ряд положительных изменений в правосознании рядовых граждан, оказались не в состоянии изменить правосознание сотрудников правоохранительных органов и суда. Сформировавшаяся за последнее десятилетие система управления и контроля деятельности правоохранительных органов и суда фактически полностью нейтрализует последние новеллы уголовного процесса. Рядовые следователи и дознаватели при расследовании уголовных дел ориентируются не на принципы и нормы УПК, а на ведомственные приказы и инструкции, а также на пресловутые показатели оценки качества

---

* © Шапошников А.Ю., Шапошникова И.А., 2008

Шапошников Андрей Юрьевич — канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры криминалистики Самарского филиала ФГОУ ВПО СЮИ МВД России

Шапошникова Ирина Анатольевна — адвокат Палаты адвокатов Самарской области